

Кто хочет, станет генералом!

- Вспоминаю сенокосную пору, когда меня в детстве учили заготавливать корма для скота. Опытный наставник выстраивал нас, мальчишек, по росту, и так мы шли друг за другом, оставляя за собой прокосы свежей травы. Нечего было и думать, чтобы остановиться, утереть пот или отдохнуть, ведь сзади на пятки наступал другой косарь. Такое происходило со мной всю жизнь. Я всегда слышал за своей спиной чье-то дыхание, как будто посвист остро отточенной косы, а потому не оглядывался, а шел вперед.

Эту притчу из своей жизни Бруно Генрихович Рейтер поведал во время нашей встречи накануне его юбилея. Разговор, как обычно, протекал в откровенных воспоминаниях, радостных и грустных для моего собеседника.

- Семь десятков лет... Бруно Генрихович, хотели бы вы что-либо изменить в летописи своей жизни, а, может быть, даже переписать её заново?

- Никогда не жалею о том, чего уже не изменить. Всю жизнь самым строгим судьёй над собой оставался я сам. Отдаю себе отчёт за все прожитые годы, хотя в жизни было несколько крутых поворотов. Возьмём мой уход из науки, когда были отправлены уже все документы на присвоение звания члена-корреспондента, академика Российской академии наук. И такой резкий шаг не один. Я прожил очень интересную и бурную жизнь, в которой немало радостных и печальных событий. Все они легли на страницы истории моей жизни, и по большому счёту мне не в чем себя упрекнуть.

- Тем не менее, вас угораздило родиться в несчастное для нашей страны время, отягощённое национальной трагедией для населения Республики немцев Поволжья?

- Да, практически, являюсь ровесником депортации поволжских немцев. Родился 28 апреля 1941 года, а ровно четыре месяца спустя начался отсчёт чёрного периода в жизни советских немцев. Именно 28 августа того же года нам был вынесен несправедливый приговор.

- Вы в полной мере испытали на себе участь сиротства фактически с самого рождения...

- Родители отца похоронены в Поволжье ещё до моего рождения. Нас привезли в Омскую область в октябре, всего неделю прожили в Трубецком Азовского района. Отец был назначен механиком Александровской МТС, размещённой в Цветнополе, где мы и поселились всей семьёй. А в январе мобилизовали в трудармию отца, чуть позднее – мать. Когда я научился разговаривать, то бабушку Екатерину звал мамой, деда Готфрида – папой. Так и продолжалось

далее, а когда в конце войны вернулась из трудармии моя родная мать, то привычно обращался к ней «мамочка». Только отца мы не дождались, он сгинул в трудовом лагере в Свердловской области. Такая сиротская участь постигла многих моих сверстников.

- Как в детстве восприняли Сибирь? Чужбиной, или всё-таки она стала для вас родной землёй? Как складывались отношения переселенцев с местным населением?

- В моей семье при любых серьёзных разговорах звучало слово «Волга». Наверное, во мне генетически заложена тяга к Поволжью. Видимо, в этих подслушанных беседах старших закладывались основы моей будущей политической жизни. Я не мог помнить тот край, но исподволь мечтал о нём со всеми вместе, с теми, кто в нём родились и откуда были изгнаны. Мои самые первые воспоминания относятся примерно к тому времени, когда мне было года три. Эти случаи очень трагичны. В памяти предстаёт картина: плёткой комендант выгоняет женщин на работу. Но считаю, что нам очень повезло, ведь в большинстве своём ссыльных размещали в немецких сёлах. Надо отдать должное мудрой политике тогдашнего областного руководства. Так, среди соплеменников оказались семьи Рейтеров с многочисленными близкими родственниками, и семья Готфрида Цветциха, дедушки по материнской линии. Более того, здесь мы встречали выходцев с того же Поволжья, основавших эти сибирские деревни. Между собой общались по-немецки, до школы я не знал русского языка. Представителями других национальностей в немецких сёлах Омской области являлись только семьи комендантов, руководителей хозяйств и далеко не всех учителей. По слухам, были попытки внести раскол между переселенцами и местными немцами, но они, к счастью, не прижились. С Волги дошла до сибиряков и более высокая культура, и более современные технологии ведения хозяйства.

- Жизнь воспринимается в детстве более радужной, нежели в зрелом возрасте. Не всё ведь мрачно было и в ваши детские годы, особенно после окончания Великой Отечественной войны?

- Мы жили тихой деревенской жизнью, воспринимая всё, как должное, со всеми заботами и маленькими радостями. В сёлах оставались в большинстве своём старики со старухами да малыми детьми. Поэтому всё нам приходилось делать: и топор держать, и рубанком строгать, и землю копать, и сено косить, и скирдовать его. К крестьянскому труду я приучен с малолетства, мои сверстники рано выросли. Все мои родные имели достаточно высокое образование, поэтому я тоже рано приистрастился к грамоте. После войны стали возвращаться к семьям родители, мобилизованные в трудармию. Жить стало веселее, как любил говорить тогда советский вождь.

- Кем, по-вашему, для народа, особенно для детей, было то социалистическое государство, наша страна в недавнем прошлом – матерью или мачехой?

- Без сомнения, матерью. Невзгоды в те тяжелейшие годы испытало на себе не только немецкое население. Конечно, всего, в том числе и победы в войне, страна могла достичь меньшей кровью. Но все мы сильны задним умом. У нас была суровая, строгая, не всегда справедливая, но всё-таки мать. Распорядители наших судеб, которые были рядом с нами, сами становились заложниками системы. А до виновников больших трагедий мы не могли достать, они были страшно далеко.

- Вам оказалось доступным школьное образование именно в том объёме, который желали получить?

- От школьного образования я взял всё, что можно было получить в тех условиях. В начальных классах после войны учились без учебников, одна тонкая тетрадка на весь год для чистописания, остальное писали на обрывках обоев, между строчек газет. Я благодарен дедушке с бабушкой, которые вели меня по жизни и по учёбе. «Бруно, запомни на всю жизнь: если в этой стране ты хочешь быть наравне со всеми, ты должен быть на голову выше остальных. А для этого надо учиться», - говаривал мой дед Готфрид Цветчих. Для меня эти слова стали заповедью. Учёба мне давалась легко. Об этом говорят отличные оценки в аттестате зрелости, кроме «тройки» по русскому языку, который только во время службы в армии усвоил по-настоящему.

- Но что оставалось деревенскому парню на потом, после получения аттестата? Звание «советского крепостного», как исподтишка именовали себя колхозники?

- Я сразу готовился продолжать учёбу после школы, тем более, о моих способностях и задатках не уставали повторять взрослые. Мы не страдали в ту пору вольнодумством и воспринимали действительность, как она есть: я спецпереселенец, состоящий на учёте, и должен регулярно отмечаться в комендатуре. Чувство несправедливости по отношению ко мне присутствовало, но стремился быть выше обид. Хотел получить образование и обрести профессию. Но тогда в институт поступить сразу было невозможно, надо было отработать два года. И с армией не всё было понятно: призовут – не призовут? Пока по линии военкомата в 1959 году привлекли на учёбу в 21-е профессиональное училище. Готовили из нас киномехаников, хотя скрытно учили на военных радистов. Оставалось свободное время, поэтому заочно поступил ещё на учёбу в Омский сельхозинститут. Правда, до первой сессии не доучился, призвали в армию.

- Как случайность восприняли повестку на армейскую службу? Вы стали одним из первых призывников из числа советских немцев, которым довелось служить в Советской армии после войны. Были рады, выполняя эту почётную обязанность гражданина СССР, как говорилось в прежние времена?

- Годом раньше, чем меня, советских немцев стали призывать в армию, но в стройбаты и другие инженерные войска. А призыв на службу в боевую часть считаю своим вторым днём рождения. Три с половиной года армейской службы – самый светлый период за всю мою 70-летнюю жизнь. Я ощутил чувство справедливости и равноправия, познал настоящее воинское братство. По-настоящему мог проявить свои способности в военной выучке, теперь всё зависело только от меня. Хотя, многому обязан людям, которые меня окружали, в частности, генерал-майору Куприянову, бывшему фронтовику, выходцу из Томска. Я был начальником радиостанции, обслуживающей командира дивизии, а в моём экипаже, кроме телеграфиста Ананьева, служили немцы. Именно там я почувствовал уважительное отношение к немцам. Отправляя нас на сборные пункты для новобранцев, нам отцы-командиры советовали: набирай своих. Потому что знали про такие лучшие качества этих солдат из Сибири, как дисциплинированность, исполнительность, порядочность. Причём, моя служба проходила в Прибалтике, но довелось и пересекать территорию Польши, и стоять на границе с Германией.

- Можно было продолжить военную карьеру, но вы выбрали учёбу в вузе. Что повлияло на выбор профессии?

- Мой командир генерал-майор Куприянов настойчиво предлагал мне военную карьеру. В ответ я твёрдо заявлял: «Хочу стать генералом!» Комдив понял, что с моей фамилией далеко в военном звании не взлечу, а вот на гражданской службе можно штурмовать высоты. И с профессией я определился давно. Всегда видел хлеб на столе у своего друга детства Анатолия Динкелакера, отец которого работал агрономом. У моих же родных хлеб долгое время считался лакомством. Потому я и мечтал о профессии агронома. Памятью и соображением меня Бог не обделил. Из-за того, что нам пришлось переслуживать в армии свой срок (не хватало замены, мало рожали детей в военные годы), дали возможность не только повысить военную квалификацию, но и подготовиться к поступлению в ВУЗы. По сравнению с другими абитуриентами я был более «подкован» в знаниях. Многим на стипендию всерьёз рассчитывать не приходилось. В ВУЗ поступал сплошной солдатский гарнизон 40-41 года рождения, безотцовщина, по этажам мелькали одни зелёные гимнастерки, изредка - матросская роба. Школу эти «кузнечики» закончили давно, за время службы не каждый мог подержать в руках учебники. Бывало так: месяц-другой получаешь стипендию, а потом – «неуд», и стипендии не видать. Обычно шесть стипендий приходилось делить на группу из 25 человек. Нас было именно шесть студентов, которые «могли» тянуть за собой более слабых сокурсников. Зато всей группой зарабатывали на разгрузке барж, вагонов и прочих тяжёлых работах. Так и учились с первого до последнего курса, объединённые студенческим братством.

- Могли бы пополнить ряды организаторов аграрного производства, но судьба «затянула» вас в науку. Вы деревенским мальчонкой могли мечтать о том, что

станете учёным? Но почему стали работать в области генетики, ещё не столь давно считавшейся в СССР лженаукой? Скучно не было?

- Когда после армии осуществил второй заход в сельхозинститут, вспомнил, что дома хранится книжка по генетике, случайно попавшаяся в груде макулатуры. Попросил, чтобы мне её из деревни прислали. Стал самостоятельно изучать теорию Менделя, основателя генетики. Чем-то она меня задела. Подумал: да ведь это «высшая математика» в биологии. Проявил свои знания по генетике на занятиях, проводимых Серафимом Ивановичем Леонтьевым, и был замечен им, привлечён к исследовательской работе. А скучно мне никогда в жизни не было. Всегда увлечённо занимался тем, к чему имел прилежание.

- Но как учёный переродился в политика? Что же заставило вас изменить науке, заслужив звание доктора биологических наук, профессора...

- ... без пяти минут члена-корреспондента Академии наук. Начинал в аспирантуре Омского сельхозинститута в 1968 году, а закончил в СибНИИСХозе в 1992 году. Это годы моего служения науке, если не брать в расчёт учёбу в ВУЗе. Я уже говорил, что с юных лет, ещё неосознанно, в моём мозгу отложились слова «дом», «Волга». Они имели одинаковое значение для изгнанников из Республики немцев Поволжья. Провожая меня в армию, дед Готфрид Цветчих завещал на тот случай, если не дождётся: «Тебя Бог наделил многим, в том числе умом и сердцем. Но не думай только о себе, таком везучем и умном. За тобой стоят те, кто не доучился, кто не вернулся из трудармии, кто ждёт возвращения на родину. Справедливость должна восторжествовать. Возьми в соратники тех, кто образован и неравнодушен к своему народу. Вас не много, но вы способны защитить интересы обездоленных и несправедливо обвинённых». Следует сказать, что дедушка дождался, когда я демобилизовался и поступил в институт. Но я был обязан следовать его завету, поэтому в немецкое общественное движение входил постепенно, начиная примерно с 1987 года. Оно не было однородным, но никогда мои соратники не выдвигали экстремистских требований. А когда созрели исторические условия, я сознательно отдался политике. На выборах в областной совет с первого раза был избран депутатом. Правда, проиграл выборы в Верховный Совет России, но этот проигрыш был достойным. Так и входил в бурное русло политической жизни, прекрасно понимая, что ступил на нелёгкую стезю. Я всегда был прагматиком: надо сегодня брать то, что можно получить. Не возродить в одночасье Республику немцев Поволжья - можно создать немецкий национальный район в Сибири, в местах компактного проживания моих соплеменников.

- Нелегко было «пробить» решение о создании такого района в Омской области на федеральном и даже областном уровне. Но, видимо, труднее на собранных по кусочкам землях организовать всю районную структуру?

- На каждом этапе были свои трудности. Надо было учитывать историческую, психологическую и политическую ситуации, чтобы достичь цели. В какой-то мере это было похоже на авантюризм. Мы готовились отстаивать идею создания района узким кругом: моими единомышленниками были Анатолий Фридрихович Динкелакер и Эдуард Генрихович Кербер. Без лишней скромности скажу: эта тройка стояла у истоков образования района. У последнего был богатый опыт партийно-хозяйственной работы, который, несомненно, сыграл положительную роль в претворении наших замыслов. Я боялся проиграть в этом тайном предприятии, не делился даже со своим близким другом, доктором медицины Альбертом Антоновичем Обгольцем, но помог случай. И на историческое заседание областного совета я шёл вооруженным продуманными действиями и вдохновлённый моими соратниками: сейчас или никогда. Вопросы о создании национального района не было в повестке дня, только в конце её утверждения я попросил дополнить повестку. Хотели перенести вопрос о районе на другое заседание, предложив его подробно проработать. Если бы пошли на это, то дело бы окончательно провалили. Следующего заседания уже не было, вмешались события, вошедшие в историю под названием путча ГКЧП. Поэтому председатель облсовета Анатолий Павлович Леонтьев вовремя помог нам отстоять право на создание немецкого национального района. Именно его по праву считаю одним из отцов-основателей района, как и Сергея Михайловича Шахрая, на федеральном уровне помогшего мне ходить по коридорам власти, преодолевая противостояние столичных чиновников. Если бы не эта помощь, то вопрос об Азово 17 февраля 1992 года не попал бы на заседание президиума Верховного Совета Российской Федерации. Именно в этот день, при отсутствии основных противников, депутаты единогласно проголосовали «за» и Указом президиума был официально утверждён Азовский немецкий национальный район в Омской области. И вот здесь хочу отметить ещё одного человека, помогающего созданию района на региональном уровне – главу областной администрации Леонида Константиновича Полежаева. Я не готовился руководить районом, считал своей задачей подвести политическую основу. Были более опытные партийно-хозяйственные руководители немецкой национальности, на которых я рассчитывал. Но, видя развал экономики в том переходном периоде, они не хотели участвовать в казавшемся им авантюрным проекте. Пришлось самому включиться в практическую работу. Для меня все весенние месяцы оказались одним из тяжелейших периодов. Но, слава Богу, не препятствовали главы администраций районов, земли которых отходили к восстанавливаемому Азовскому району. Радостным оказалось, что 78 процентов населения разных национальностей на референдуме высказалось за создание района. И, конечно, немалое значение имеет то, что руку помощи в эти годы нам протянула Германия.

- *За короткое время Азовский район стал занимать передовые позиции и в экономике, и в социальной сфере. Стал славен механизаторами и доярками, учителями и врачами, спортсменами и артистами... Гордитесь этим?*

- Вижу в этом, прежде всего, заслуги самих азовчан. Замечательный народ живёт в нашем многонациональном районе. В этом видится также заслуга моих соратников, профессионально подобранной команды руководителей и ведущих специалистов. Никто не сможет оспорить достижений района, накопленных более чем за 15 лет. Оставалось только сохранить их и преумножить дальше. По моему мнению, к глубочайшему сожалению, сегодня этого не происходит. На протяжении нескольких лет складывается предвзятое отношение к району, порой выливающееся в необоснованную зависть. Вызывает недоумение кадровая политика, нарушившая принципы подбора кадров по компетенции, профессионализму.

- Почти все эти 20 лет вы совмещали посты руководителя района и председателя Немецкой национально-культурной автономии Омской области. Легче ли теперь живётся вам, связавшему дальнейшую жизнь с общественной деятельностью?

- Я не разделял для себя эти должности по значимости. Был причастен к основанию того и другого – района и автономии. Закон о национально-культурной автономии – это один из истоков полугодовой работы на моём посту начальника департамента российских немцев Министерства национальностей России. А потом ещё была Федеральная целевая программа поддержки российских немцев, к которой я тоже причастен. Её началу способствовала наша встреча с первым Президентом России Борисом Ельциным, когда он приезжал в Омск. Менее чем через неделю по этому поводу состоялась встреча с ним уже в Кремле, разработка программы сдвинулась с мёртвой точки. Увы, в последние годы государственная политика по национальным вопросам всё более утрачивает своё назначение. Поэтому и для общественных национальных организаций наступают нелёгкие времена.

- Немного отойдя от хозяйственных забот района, каким вам видится будущее немецкого национального образования на сибирской земле?

- В будущем году мы будем праздновать 20-летие со дня основания Азовского немецкого национального района. Мы стремились к тому, что укрепим в экономическом плане и постараемся привлечь побольше инвестиций со стороны исторической родины. Ждали, что к нам начнут возвращаться уехавшие из Азово в Германию, по крайней мере, бывшие наши соотечественники будут заинтересованы в деловом сотрудничестве с нашим районом. Мы хотели, чтобы наделами земли в районе владели переселенцы из Казахстана и других среднеазиатских стран, чтобы лучшие сельскохозяйственные земли имели настоящих хозяев и приносили весомую отдачу, используясь по назначению. Судя по стилю нынешнего руководства, эти благим намерениям не суждено сбыться. Меня тревожит будущее нашего района.

- *Бруно Генрихович, может ли сегодня мальчишка из Азовского района повторить ваш жизненный путь?*

- С сегодняшние мальчишки грамотнее и талантливее нас. Но, мне кажется, у них нет того идеала, жизненного ориентира, к которому нужно стремиться. Я бы выразился, нет знамени, ведь наше общество до сих пор не объединено общенациональной идеей, размыта идеология. Да и не надо повторять то, что нами пройдено, есть другие высоты. Думаю, что возможностей у молодёжи сегодня больше, чем было у нашего поколения. Другое дело, что расслоение общества по материальному обеспечению ограничивает желание многих. Одно из направлений работы нашей общественной организации – выявить молодую поросль, которой дорога идея сохранения и развития национальных традиций и культуры. Пусть молодёжь знает свои истоки, стремится реализовать себя в этой жизни, потрудиться на благо общества, в свою очередь, оставить после себя достойное поколение. Буду счастлив, если удастся достичь этих целей!

- *Спасибо за беседу! Бруно Генрихович, я поздравляю вас со знаменательным юбилеем! Пусть не подводит ваше здоровье, чтобы ещё смогли на протяжении долгих лет претворять свои планы. Пусть не только наши современники, но и потомки по достоинству оценят ваши заслуги в деле служения Родине. Желаю вам удач во всех добрых делах и начинаниях, неиссякаемого оптимизма. Думаю, к этим пожеланиям присоединятся и многие читатели журнала «Культура».*

Беседовал Николай ШОКУРОВ.